

Об идейном содержании спектаклей флотского театра

Драматический театр Черноморского флота недавно показал военным морякам два новых спектакля — «Калиновую рощу» А. Корнейчука и пьесу Н. Бажовского «Завоев Лигуру», написанную по мотивам известного романа Теодора Драйзера «Американская трагедия».

Сочетание в репертуаре флотского театра пьес, посвященных военной морю, указывает на слепе как нашу советскую действительность, так и капиталистический мир, — факт, бесспорно, положительный.

После того как такие пьесы правильно выбраны, важнейшая задача режиссера и всего творческого коллектива заключается в том, чтобы в специфических образах раскрыть черты характерные черты духа принципиально противоположных миров, на которые разделен сейчас военный мир, и ярко отобразить величайшее превосходство социализма над обреченным на гибель капитализмом.

Нельзя не признавать, что эту задачу с полным успехом решает режиссер Е. Сахаров, являющийся постановщиком и «Калиновой рощи» и «Завоев Лигуру». Театр сумел передать прожитые пьесы А. Корнейчука образам полнокровной и радостной жизни простых советских людей — калиновцев украинского села Калиновка. Верны в большинстве случаев чувства и цели и для изображения уголовного и гнусного «американского образа жизни», парящего в капиталистическом Лигуре — одном из тех заморских городов, о которых автор «Американской трагедии» писал: «Богдан-убийца, пожалуй, отнюдь не самый невероятный, что существовали такие города».

И все же возможности обеих этих не полностью использованы режиссером и частью актеров. Многие вещи существенные и в том и другом хороших, нужных спектакле остались неуловимыми, неразкрытыми. В этих моментах двух постановок театра мы и собираемся остановиться, не стала себе цели делать полный их разбор и не переключая поэтому всех режиссерских и актерских сил, которых в них немало,

«Калиновка роща» — жизнерадостная и жизнеутверждающая советская повесть, очень глубокая по идейному содержанию. Показывая духовное богатство советского народа и величие его творческого труда, она вместе с тем обличает порочности прошлого в сознании наших людей, отражает наше социалистическое общество в его развитии, в борьбе передового с отсталым.

В центре сюжетного конфликта «Калиновской рощи» стоят две фигуры: предводитель колхоза Иван Романюк и землекоп-колхозник матрос Кари Петрович. И тот и другой — честные советские люди. Но Романюк, отличившийся на войне и в свое время хорошо руководивший колхозом, успешным на успехах, достигнутых в последующие послевоенные хозяйства, перестал активно добиваться дальнейшего его подъема, утратил чувство нового и в колхозе копировался торговое корыстное начатки, изглаживая из рядов колхозников. А в Петрович автор пьесы показывал передового человека сегодняшнего колхозного села. Он обладает пырками кругом, хорошо понимает, какие гигантские возможности, не замеченные Романюком, заложенные в колхозном хозяйстве. «На кривебры сими, а несати грехи. Да разве так можно!», — говорит он в подмечении, создавшемся в колхозе.

Резко критикуя недостатки председателя колхоза, Петрович борется с Романюком за самого же Романюка — человека, отнюдь не потерявшего для дела коммунистического строительства. Этой крайней нитью проходит через всю пьесу. Естественно, что Романюк должен быть не слепым тупиком, чтобы бороться за него стоило, а Петрович — таким, чтобы зритель верил в него как в подлинного колхозного вождя.

К сожалению, оба персонажа в спектакле не вполне таковы. Артист М. Шапиро, исполняющий роль Романюка, создал корыстный и закомплексованный специфический образ. Но это все же не тот Романюк, который встает перед нами при чтении пьесы.

сы. Напрасное подчеркивание артистом истеричности комических деталей привело к тому, что его герой выглядит, кроме разве последних картинок, чересчур у недалеким и ограниченным. Зрители трудно представить, как мог такой Романюк пользоваться авторитетом у колхозников.

Тем самым обиделся и внутреннее содержание роли, отведенной в пьесе Петровичу. К тому же сам он в исполнении артиста А. Бессонова схематичен, неоправданно сух, иштен ярош, заложившийся индивидуальности. Явно недостает ему, например, ушной, хорошей крошки в его разговорах с Романюком. Поэтому и многие из его слов не задерживаются в памяти. В печатном тексте пьесы они звучат слышимое, чем со слухом. Должно же было наоборот!

Роль Кари Петровича — не легкая. Образ его не вполне четок и у автора, который мало показывал «матросов» в действии. Но тем больше требовалась эта роль — четкостью и пьесой по своему жанру — немалая от режиссера, начиная с подборки наиболее подходящего исполнителя и до конца постановки. Итоги, жиста и другие детали. Думается также, что тому же А. Бессонову помогло бы продумать его «связность» в роли Петровича, эти-то живые и подлинные черты для образа умножающегося моряка более тесное общение с сегодняшними водами флота — зрительная теория.

Особо следует остановиться на исполнении роли иштерной Васильки. Это знаят труженица колхозных полей. Ее жили известно далеко за пределами районного села. Но бесконечно далеко от девушки от того, чтобы кичиться своими заслугами. Трудолюбивая, не жавшая усталости в работе, самокритичная преданная общественному делу, она как бы ошпигетовала некую чуждую силу колхозной деревни, выросшие на последующие годы. Такова Василька по тексту пьесы.

По артистка Е. Афанаскина, вместо того чтобы раскрыть зрительном всю душевную красоту своей героини, делает упор на

МАР 1951

Г. Москва

РАСНЫЙ ФЛОТ

наполющенные частности. Это замечательная в первой картине, где искусственно подчеркнуты фразы Васильев о предположении жене художника, в особенно чувствительна в сцене, когда у девушки пробуждается невольная ревность. Выделение того, что вовсе не является самым характерным в Васильеве, как бы заслоняет от зрителя ее душевные черты.

Божественное в пьесе А. Корнейчука совсем не нуждается в особом акцентировании. Это очевидно, кстати сказать, и в «характерных ролях» Крыма и Калитыбы, превращенным артистами А. Насмазовым и Н. Зельмановским в своего рода юмористические астральные померы, уводящие зрителя от основной линии пьесы. Ключом к определению места каждого из ее героев в спектакле должно было служить положение, занимаемое ими по отношению к главной теме «Калиновой рощи». Эта главная тема — борьба советских людей за свое общее счастье, за коммунизм. Но коллектив театра, ухватившись «обмывавшимся» отдаленных колониальных ситуаций, не сумел достаточно глубоко проникнуться большой политической идей произведения А. Корнейчука. Главное в пьесе не стало главным в спектакле. • • •

Автор «Закона Инкурта», положив в основу своей пьесы египетскую легенду «Американской трагедии» Т. Драйзера, перенес описываемые в романе события несколько вперед — ближе к нашим дням. Действие пьесы происходит в год, когда еще далеко зашел процесс капитализма в разложении капитализма, стала еще неопределеннее капиталистическая действительность, еще более лживой и лживейшей буржуазная «демократия». Этим, собственно, и обусловлен шой, чем в романе, исход событий в захватительной части пьесы. Ее развязка, когда вместо подлинного убийцы Роберты Баден—Клайд Грифитса — на эвентуальный шой попадает безработный Артур Кисселла, переключается с газетными телеграммами о судебных расправах над ним в чем не романтичные людины в реальной турбулентности Америки.

Естественно, что переименование действия в другой исторический период заставляло автора внести известные коррективы в характеристики основных персонажей пьесы, излагавшихся вплоть еще по роману. Очень важно, чтобы и у поставщиков пьесы нашлось это «чувство времени». О том, что

оно вообще присуще режиссеру Н. Сазарову, свидетельствует как общий лейтмотив постановки, так и правильная в основном интерпретация главной роли Клайда Грифитса, которому играет молодой актер Г. Головинин.

Но некоторые другие действующие лица должны бы были быть иными. Так, Самуэля Грифитса (арт. Н. Терский) плохо удается с представлением зрителя о современном американском капиталисте — матером хитреке, беззастенчиво наживающемся на поте и крови народа. В Дэнли-берте (арт. И. Медведев) следовало еще разче показать его наглость, замкнутость, жестокость, которые делают подобный молодчиков «героями» фашиствующей буржуазной молодежи.

Артист А. Логвин играет прокурора Мэсона в сцене допроса тем, что пытается перевернуть в его пользу. Зритель оказывается неподготовленным к «перевращению» прокурора в законченного негодяя, каким он предстает в последующих картинах. Между тем еще в самом начале пьесы известно, что Мэсон причастен к темным предпринятиям махизмалов и именно в связи с этим посещает ком. Грифитсов. Эта существенная для характеристики прокурора деталь остается словно не замеченной артистом.

Хочется показать интимизма указанных расей более критически отнестись к их литературным прообразам, характерным для самого начала нашего столетия, и взглянуть на них глазами зрителя, который видит в пьесе современную Америку, где выступило наружу все то, что буржуазия еще удавалось маскировать и сплавлять в безмятежность успешной «золотой век» капитализма. Пьеса Н. Базановского дает богатый материал для обличения преступного общественного строя, в условиях которого США превратились в агрессивное государство монополюстов, посягающих на господство над миром. Этот материал надо использовать до конца.

Слабым местом пьесы является то, что в ней не видны активные прогрессивные силы американского народа. Тем важнее было сделать более яркой, более общественно-активной фигуру Кисселла, всемерно отвлечь скупое намеченные в нем автором потенциальные задатки борьбы на лучшую Америку. Заслуживает внимания

и некоторая документальная работа над пьесой, проведенная при постановке ее в Центральном театре Советской Армии.

Всего ласково слов, добавляющих там в малейший ролю пропаганду флядок, заставляющих зрителя видеть в нем уже не только жертву капиталистических порядков, но и борца против них. Лишь несколько коротких фразок обмывающихся и двое рабочих, появившихся в сцене у дверей магазина, но и этот эпизод напоминает о простых людях Америки, борющихся со своими эксплуататорами и угнетателями.

Безусловно, выигрышает спектакль в Центральном театре Советской Армии и от того, что в нем опущена последняя картина (смысла Клайда и Соудры Фичила), ничего, в сущности, не прибавляющая к основному содержанию пьесы. Действие заканчивается картиной у выхода на судебный зал, причем последнее слово в ней остается опять-таки за прогрессивными силами Америки: гаснет свет, выходящими рабочими закуростанции мастера Фичила, которые отменяют на гнусный приговор суда забастовкой. И зритель чувствует, что Артур Кисселла, только что брошенный в лице прокурора Мэсону гниющие «мерзепи», не одинок.

Театру Черноморского флота стоило бы воспользоваться опытом постановки «Закона Инкурта» на московской сцене. • • •

Благодарим комиссию творческого коллектива, выступавшего перед советскими зрителями. И очень высоким должно быть в таком коллективе чувство ответственности за то, чтобы каждый спектакль получал восприятие зрителей Родины в духе беззаветной любви к ней и смелой патристичности и ее врагам. Замечательна об этом — значат прежде всего стремиться к глубокому раскрытию идейного содержания пьесы, неустанно продолжая работу над уже поставленными спектаклями, усиливая его идейное воздействие. Очень нужна сейчас такая работа и над «Калиновой рощей» и над «Законом Инкурта».

Недостатки обоих спектаклей делают необходимым и выход о том, что в театре должен быть повышен политический уровень художественного руководства, усилено идеологическое воспитание всех творческих работников.

Иванов З. и Игн. М. ЛАНИН.

【Сцен. воед. «Красное Флота».